

На рассвете дорожная карета Александра Дюма выехала из крепости Кизляр. Заря — подружка солнца — золотисто-розовым покрывалом накрыла снежные вершины гор, призывая к новым приключениям. Мысли писателя горели ярким пламенем, обжигая сердце и душу. У него была заветная мечта, появившаяся после прочтения одного стихотворения русского поэта. Во многом благодаря этому он и приехал в Россию. Отряд терских казаков сопровождал знаменитого француза на протяжении всего путешествия по Кавказу. Время было опасное: уже больше сорока лет шла война с горцами. В это утро тишину нарушали лишь пение птиц, звон серебряных колокольчиков на кожаных хомутах и цоканье копыт лошадей по чистым булыжникам на грязной дороге. Спутники знаменитого француза дружно зевали, укутавшись в верблюжьи одеяла, подаренные калмыцким князем Тюменом.

— Как прикоснусь к этой верблюжьей шерсти, сразу вспоминаю, как мы пировали в Астрахани, — начал разговор художник Жан Муан. — Они подали варёную лошадиную голову, начинённую жареными черепахами. Налили в пиалы их национальный напиток. Забыл, как называется, прокисшее не то кобылье, не то верблюжье молоко. Глядя на калмыцкие счастливые лица, и мы дружно начали есть конское сырое мясо с зелёным луком. — Кумыс и водка мне сразу не понравились, хотя горькую под селёдочку я люблю, — нехотя поддержал разговор Дюма, как тонкий гурман и ценитель кухни, — а остальное довольно-таки вкусно, та же европейская кухня. Если бы не отсутствие элементарной мебели, всё было бы замечательно. Я ж не могу сидеть часами, скрестив ноги. Ел и то лёжа на коврах, обложенный шёлковыми подушками. Так и до пролежней недалеко.

— Шаманы у них сильные, — поддержал разговор практикующий маг Дэниел Денглас Юм. — Есть чему поучиться. . .

Следующий обитатель кареты, переводчик, студент московского университета Алексей Калино, притворялся спящим. Он был агентом царской охраны. Регулярно отправлял похожие один на другой отчёты начальнику Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии тайной полиции князю Василию

Андреевичу Долгорукову: «Благодаря исправности вашей тайной полиции путешествие моеме Дюма проходит в высшей степени благополучно».

За окном кареты моросило. Ноябрь вступал в свои права. Осень рисовала в яркие краски горы, покрытые лугами, берёзово-кленовым криволесьем и сосново-буковым смешанным лесом. Показавшееся из-за облаков солнце осветило снежные вершины Кавказского хребта. Северный ветер разогнал тучи. Любвеобильный Дюма прищурился и прошептал:

— Исключительно чистый и прозрачный воздух. Красота какая! Природа умирает, а мне хочется всё новых и новых впечатлений и любви. Как бы к Шамилю в гости попасть? Я мечтаю написать про его доблесть, бесстрашие и о романтике страны гор. — Кстати, господа, Гаити в переводе — страна гор. В плен захотели, господин Дюма? — прошептал переводчик в тон, подражая писателю. — Неизвестно чем это интервью для нас кончится. В данном случае мечтать не только вредно, но и опасно для жизни. Зря я согласился на эту авантюру — сопровождать вас. Надо было остаться в Кизляре. — А я думал, вы спите, — удивился Жан. — Будьте снисходительны к нашему другу. Это просто очередная рискованная забава.

— Друзья, хочу вам напомнить, что у нас есть разрешение не более чем на десять часов отклониться от маршрута, — продолжил разговор великий забияка. — Если мы боимся попасть в плен к горцам, то давайте попадём в плен к казачкам. Я ещё в Париже слышал о восхитительной красоте и добром характере женщин из очаровательной деревни Червелон. Только ради этого надо было бы посетить Россию. «Ветер раздувает пламя! Господь воспламеняет душу!» — процитировал Дюма девиз своего прославленного рода.

Дюма приоткрыл створку кареты и крикнул своему слуге:

— Бланше, останови карету!

Казачий хорунжий Георгий Каглик был явно недоволен решением французов. Но потом успокоился, подумав: «Много казаков отпрашивалось у меня погулять в здешних станицах. . . Находили там гарных девок, да и оставались после службы навсегда. Может, и я найду там свою судьбу и наконец-то женюсь. С казачками шутить нельзя,

их надо сразу в жёны брать». После короткого отдыха он отправил в станицу вестовых.

К вечеру подъехали на окраину станицы Червлёная. Эскорт Александра Дюма встретил атаман Степан Колодяжный со станичным хором весёлых казаков и казачек. Одна из девушек поднесла ему каравай тёплого пшеничного хлеба и звонко засмеялась. Дюма, замороженный красавицей, сразу влюбился в неё и чуть не подавился, уронив остаток отломленного кусочка хлеба в солонку. Мурашки вдохновения пробежались по его могучей спине. Он тихо спросил:

— Звать-то тебя как, милое создание?

— Меня не зовут, я сама прихожу,— пошутила девушка, низко поклонившись знаменитому писателю.— Ульяна я. Даданицкого Ивана дочка.

Её отец и братья строго переглянулись между собой и фыркнули на девушку:

— Цыть, шельма! Знай своё место, дурная девка...

— Да ладно вам! Слова не скажи доброму человеку,— огрызнулась она и пошла к девочкам.

Девушки были все как на подбор: чернявые, с голубыми глазами и прекрасными русскими лицами. Семнадцатилетняя Ульяна, как бриллиант чистой воды в мутной горсти жемчужин, выделялась на фоне красавиц своей поразительной кавказской красотой и статью. Её мать привёз отец после успешного похода за Каспий. Она досталась ему по жребию, который он вытянул после захвата в плен шахского гарема. От смешения казаков с народами, проживающими за Терекон, произошли чрезвычайно красивые люди. Особой красотой отличались и славились червлёнские красавицы. Породнившись с кавказцами, терские казаки сохранили в чистоте родной язык и старую веру. Переняли одежду горцев, признаки горского характера и некоторые обычаи.

Атаман подал гостю полный рог красного виноградного вина. Дюма уже был научен на горьком опыте, как пить вино из такого сосуда, чтобы не облиться и не поперхнуться. Александр осторожно взял рог буйвола, в который вмещалось восемь стаканов вина, поднёс его к припухшим обветренным губам и, оставив сверху место для воздуха, медленно отпил около литра божественного напитка. Передохнул. На душе стало хорошо и спокойно. Краски природы и казачьих костюмов стали ещё ярче. На лбу и висках выступили слегка заметные капельки пота. Обтерев лицо и чёрные усы платком, Дюма спросил:

— Вино какого года?

— Моего года,— пошутил атаман.— Как я народился, батька враз три бочки в саду зарыл, на случай знатного праздника. Чихирь это, месье, чихирь— молодое вино последнего урожая. У нас это добро долго не задерживается.

Станичники дружно запели хором:

Там, где свистящие картечи,
Металла бранная гроза,
Лежит в пыли на поле сечи
В три грани чёрная коса...
Она в крови и без ответа,
Но тайный голос произнёс:
«Булат, противник Магомета,
Меня с главы девичьей снёс!..»

Девушки с любопытством рассматривали знаменитого француза. Пузатый великан, под два метра ростом, с густыми мелко вьющимися волосами, унаследовал от бабушки Мари-Кессет из города Порт-о-Пренса, который находится на острове Гаити, неудержимый темперамент и силу. Он походил на африканского льва, вышедшего на охоту. В больших тёмно-карих, как две смородины, глазах сверкали отблески солнца, заходящего за горы мятежного Кавказа. На широкой груди писателя красовались три ордена: бельгийский орден Льва, орден Почётного легиона и орден Изабеллы Католической. На указательном пальце правой руки сверкал редкой красоты перстень с большим бриллиантом и вензелем императора всея Руси Николая I. Перстень был для него как виза пребывания в России и имел большую силу, чем охранная грамота. Он был одет в костюм горца. Бурка, бешмет и калмыцкая папаха, закрывающая его верхнюю часть лица не хуже, чем вуаль на шляпках французских модниц, придавали ему вид казачьего генерала.

— Пока я здесь, я бы очень хотел, чтобы отец и братья Ульяны всегда были рядом,— настойчиво попросил Дюма.— Непременно поселите меня к ним в дом.

После короткого разговора с Иваном Ивановичем атаман сказал:

— Казачина Даданицкий дже суров. Мужик он тёртый: кого попало в свою хату не пустит. В самой столице служил и там грамоте обучен. Газеты читал. Он отказался принять вас на постой. Станица населена староверами. По нашим законам, мы даже православным не разрешаем у нас жить. А у Ивана ещё и две дочки на выданье... Служить вам согласны. А гостей мы обычно принимаем в бывшей ставке генерала Ермолова. Сейчас там контора Терского казачьего войска, где мы и встречаем всех высокопоставленных путешественников. Пошли, што ль, до штабной хаты?

— Да уж,— опечалился Дюма,— если бы не царь Александр-реформатор, я бы ещё долго был в России нежелательным лицом.

Каменный, белённый известью дом с верандой, где поселились французы, стоял на центральной площади станицы, возле старообрядческой церкви. Рядом располагались две лавки, рынок и чайная. Высокий деревянный забор и дубовые ворота,

крашенные зелёной краской, надёжно оберегали гостей от людских глаз и злых помыслов. Рубленая из кедра баня встретила путешественников нестерпимым жаром, разнообразными венниками и ключевой водой. Местный писарь Васька, по совместительству банщик, от всей души старался угодить иноземцам. Добавив в ковшик с кипятком хлебного квасу и напитка из чабреца, донника, гвоздики и имбиря, он то и дело поддавал лечебной смеси на каменку. Воздух в парилке наполнился запахом хлеба и мёда. Взяв в левую руку эвкалиптовый, а в правую можжевельный венки, банщик слегка встряхнул их и на мгновение замер. Вид у него при этом был причудливый: расплющенные от самогона очи сверкали, как угли в каменке, на маленькой опушкой голове с всклокоченными патлами. Слегка подпалённые огнём усы постоянно дёргались от приветливой улыбки. Васёк прошёлся венниками по писателю, как учил его нынешний командующий армией — генерал Муравьёв. Дюма, не выдержав, выскочил в предбанник и окатился холодной водой.

— Ух! Я в шоке от России и их привычки париться, — воскликнул он, переведя дух, в поисках чего-нибудь попить. — Литературным критикам далеко до этого казачины. Пропарил меня от и до, как «откорректировал и отредактировал», — добавил он, смотря на поднос со стаканом прозрачного, как слеза, самогона и солёным огурцом, который подал ему Васька.

— Казаки — народ терпячий и по части хвороб дюже крепкий! Господин мусье, после баньки — продай последние портки, но выпей! — пошутил банщик, забыв, как звать знаменитого француза.

Дюма залпом выпил и, задыхаясь, проглотил огурец. От неожиданности, что это не вода, не в силах сказать даже слова, он замахал руками, требуя простой воды. Василий подал ему крынку кваса из тёрна. Напиток пузырился и шипел, слегка охладив «мушкетёра».

— Это французское шампанское, а не квас! — воскликнул Дюма и, захмелев, сел на лавку. — Я слышал, что старообрядцы не пьют спиртного...

— Это когда просто староверы, без всяких примесей, — серьёзно пояснил Василий. — А мы ещё и казаки... Какой казак не пьёт самогонку, пусть первый кинет в меня каменюку.

В доме накрыли столы. Время вечерять. Гуляли с размахом, как на свадьбе, только жениха и невесты не хватало. Местные женщины ухаживали за гостями и особо уважаемыми казаками, приглашёнными на ужин. Дюма с восторгом смотрел на Ульяну, которая крутилась вокруг него. Она ловко подавала на стол жареных уток, кур, поросёнка, пельмени с начинкой из трёх видов мяса, казачью торбу из мясного фарша и грибов, шуку со свиным салом, раков «по-праздничному» — в вине и сметане, круглик, таранчук, различные соленья, шиши,

вытушки, блины с икрой и многое другое. Красота. От выпивки и запаха мяса, укропа, кинзы и тмина у французов разыгрался нешуточный аппетит. — За честь и правду! — сказал атаман очередной тост. — Веселы привалы, где казаки запеваля.

Когда казаки изрядно выпили и запели, отец Ульяны с сыновьями лихо станцевали гопака, потом казачка, тут же перейдя на наурскую лезгинку.

Уреки у Терека
Казаки гуляли
И калёную стрелу
За реку пущали.
Казаки не простаки —
Славные ребята:
Песни весело поют
И живут богато...

В это время Дюма осторожно касался одежды девушки, отчего ощущал давно забытый любовный трепет молодости. Он подарил Ульяне свой парижский набор разнообразных предметов для туалета, духи и французскую бижутерию. Девушка была в восторге. Она тут же сняла золотые серёжки и надела стеклянные клипсы. Когда отец и братья уснули прямо за столом, их тут же увели домой. Гости разошлись, а Ульяна даже не заметила, как оказалась на коленях у знаменитого француза.

— Пристал, яки степной репей, — говорила Ульяна, слегка сопротивляясь и робко смотря в пылающие страстью глаза чужестранца. — Колючий вы, барин, яки ижина, — тихо смеялась она.

— Я отвезу вас в Париж, — не успевал переводить Алёшка пламенные обещания Дюма. — Вы затмите своей красотой не только всех наших французенок, но и всю Европу. Я давно слышал, что русские женщины самые красивые на свете. Я отдам всё, что имею, только согласитесь ехать со мной. Легче всего осуществимы те мечты, в которых не сомневаются.

— Да я знаю, шо в Париже гораздо краше, чем у нас в станице, — поддерживала разговор очарованная обаянием и напором девушка. — Мой дедушка Ваня был там, когда наши казаки в четырнадцатом году добивали армию Наполеона. Он часто рассказывал под хмельком, яки там хорошо... Там такие модницы-молодайки — не нам чета.

— Принеси корзину шампанского, — приказал Дюма своему слуге, — и сделай так, чтобы здесь никого не было.

На улице пьяные ликующие хлопцы стреляли в небо из ружей, пытаясь попасть в Большую Медведицу. Они устроили фейерверк в честь французов. Взволнованный Дюма сам открыл бутылку шампанского, эффектно выстрелил пробкой в потолок.

Дэниел Юм, чуть заметно улыбнувшись, высокомерно вздёрнул острый подбородок, зевнул и вышел из-за стола. Дюма с надеждой посмотрел

в сторону удаляющегося медиума и нечаянно опрокинул бокал шампанского на чистую скатерть.

«Будь шампанское плохим, Ульяна бы усомнилась в моей искренности, но шампанское превосходное, и она обязательно мне поверит. Упьяных и влюблённых свой ангел-хранитель...» — думал Дюма.

Когда волшебный напиток окончательно растопил лёд на душе девушки и кровь побежала значительно быстрее, затмив разум неприкосновенности, в её глазах засверкали огоньки затухающих свечей, напоминающих Ульяне фейерверки в Париже. Француз уже не казался ей таким старым и страшным. Она опустила вниз глазки и глубоко вздохнула, прижавшись к своей мечте.

Несмотря на строгие нравы, казачки позволяли себе многое. Мужья служили царю-батюшке и по долгу не бывали дома. Станичники с пониманием относились к молодым вдовушкам и замужним вынуждено одиноким женщинам, пригревшим у себя мужчин. Совсем другое отношение было к девушкам, которые не были замужем. Девичья честь играла огромную роль в дальнейшей судьбе казачки. До сих пор существует старинный обычай: после первой брачной ночи перед свадебным столом вывешивается, как знамя непорочности, белоснежная простынь с доказательствами невинности невесты.

Ульяна, боясь позора, рано утром в бане застирала ночные «грехи» и побежала домой. Закричали первые петухи, заглушая лай уставших за ночь собак. Заголосила скотина, прося воды и дойки. Родственники ещё спали, даже не подозревая, что случилось с их девочкой. Она быстро управилась по хозяйству и приготовила завтрак. Набрала коврик капустного рассола, достала солонины и поставила на стол начатую четверть первача. — От так люблю! Какая ты у меня умница, — сказал отец, опохмелившись. — Ёк-макалёк, от это бодун!.. Какая гадость это пойло! Как погано на душе. Голова гудит, как Царь-колокол! Как там наши французы, не померли после вчерашнего? — А мне откуда знать? — ответила Ульяна и, покраснев, вышла в сени.

В это время Александр Дюма, откушав куриного бульона, выпив кружку чая с лимоном и мёдом, писал очередной очерк для журнала «Монте-Кристо», а его переводчик Лёша строчил подробное донесение о приключениях писателя.

— Вы тоже писатель? — пошутил Дюма. — Разрешите взглянуть?

— Нет, я больше читатель, — пошутил переводчик, выпив чарку кислотовато-горького нарзана. — Сразу пьём, тут же лечимся. Вот набросал вам подстрочник к посланию в Сибирь «Во глубине сибирских руд», — сказал он, побледнев. — Как вы просили. Для издания во Франции.

Душа у Дюма, как у молодого любовника, изнывала от счастья и предвкушения новых встреч с юной красавицей. Он пригласил её с родителями на очередную ужин, но они не пришли, сославшись на занятость.

— Этому битюгу французскому, сыночку генерала, нечего делать. Вчера похвастался, что на него литературные рабы пашут, а нам, простым казакам, самим пахать надо, — заявил Иван Иванович посылному, почувствовав нездоровый интерес к их семейству. — Захотел сметаны с клубникой. Положил глаз на дочку. А ещё умничал, шо занятым людям некогда разглядывать женщин. Чай, не свадьба — в загул уходить.

Вечером искатель приключений и новых сюжетов залпом выпил пару кружек дьявольского замеса крепкого красного вина, водки, холодного кофе и сахара. Слегка захмелев, Дюма пошутил: — С такого кофе «по-казачки» — не ходить будешь, а подпрыгивать!

Потом хитростью выманил девушку прямо из хоровода на сеновал и до рассвета сквозь щели крыши сарая любовался с нею грешным полнолунием и сказочной нитью из звёздного хрусталя, улетающая в чудесное будущее. Они лежали, обнявшись, мечтая о блеске и триумфе их жизни в Париже. Девушка, зажмурившись от счастья, уже видела себя среди знатных дам и кавалеров на балу у маркиза де ля Пайетри. Она мысленно проносила из ложи театра в апартаменты замков и дворцов. Вот она уже, как легендарная амазонка, при свете высокой луны и многочисленных факелов гарцует на белом коне, в белоснежном шёлковом платье и с тёмно-зелёном лавровым венком на голове, совершает иппогиннес — танец женщины на лошади. Чёрные, длинные, развевающиеся на ветру кудри, белоснежная кожа безукоризненного женского тела, пронзительный взгляд сине-голубых, блестящих, как озёра, глаз приводят в восторг аристократов и простолюдинов. Прекрасная казачка ели сдерживает себя от джигитовки: ей так хочется промчатся на коне, выполняя лихие выкрутасы, с которыми она была знакома с детства. Толпа влюблённых поклонников дарит ей бриллианты, цветы и безграничную любовь.

Лёгкая дымка окутала станицу. Вдалеке в горах сверкала молния. Предчувствие дождя вызывало лёгкое волнение и ожидание раскатов грома. Первые признаки утра вернули влюблённых из сказочной поэзии в прозу реальной жизни.

— Соловухи поют, кузнечики стрекочут, пчёлки с шмелями гудят, ёжики в кустах плодятся, и я хочу, хочу всего и сейчас! — страстно шептала Ульяна своими прелестными губками, полностью подчинившись воле парижанина.

Душа желторотого птенчика сорвалась со своего места, упала вниз и затрепыхалась в ожидании чуда.

— Я люблю только тех, кто любит меня!..—тихо говорил Дюма.—А ты читала мои романы?..

— Нет, конечно,—смутилась девушка, покраснев.— Я, кроме Библии, ни одной книги в глаза не видела.

На третий день, ни свет ни заря, не попрощавшись ни с кем, Александр Дюма с друзьями промчались в своей карете с плотно зашторенными окнами, запряжённой четвёркой карачаевских лошадей, по центральной улице станицы и скрылись в грешном тумане, сатанившемся из туч вниз по склонам гор в долину. Они направились в Темир-Хан-Шуру, так раньше назывался город Буйнакск. Следом ехали полусонные казаки. Они даже не подозревали, что с французами убегает молодая казачка.

Возле караульной избы, выпучив сонные глаза, эскорт отдал честь молоденький казачок Дмитрий и спокойно пошёл досматривать военные сны.

Отец с братьями, перекусив приготовленным Ульяной завтраком, уехали на мельницу. Только вечером до них дошло, что случилось горе.

— Французы-то ещё здесь?—спросил Иван су-пружницу, распрягая вороного коня.

— Бабы говорят, шо уехали. Ещё скотину в стадо не выгнали, как они пронеслись, шо угорелые.

— А Ульяна где?—крикнул казак и сел на зава-линку.

— Тю, ты как вчера на свет народился! Где ж ей быть?—удивилась женщина.—У подружек!

Не успело солнце спрятаться за гребни по-серевших склонов Терского хребта, как отряд лихих казачков кинулся в погоню за французами. На сторожевых башнях Ивану Ивановичу чётко докладывали о беглецах.

А влюблённые успокоились и были счастливы приятному приключению, несмотря на то, что по дороге кортеж несколько раз обстреливали. Однажды слегка отставшего от отряда молоденького казака Петро заарканил абрек. Он затащил его на скалу и, отрубив голову, закричал:

— Аллах акбар! Ухады с наша земля, шайтан!

Затем, кинув голову на камни, смачно сплюнул. — Микола, опусти энтого орла на землю,—тихо скомандовал хорунжий,—а то шибко шустро летает!

— С Богом!—тихо сказал казак, быстро перекре-стившись.

Затем казак ловко поднялся к врагу и молча сделал то же самое зверство с убийцей своего товарища.

Дюма, переполненный творческим вдохно-вением и страхом, не выпускал рук любимой девушки, думая про себя: «Какая варварская страна! Несмотря ни на что, Терек принёс свои воды седому Каспию». Его бил лёгкий озноб от пережитых событий, но он постоянно развлекал спутницу рассказами, экспромтами и притчами,

которые сочинял на ходу. Переводчик им был уже не нужен—они и так понимали друг друга...

Вдалеке показались синяя полоска Каспийского моря. Вдоль дороги запахло польноью. Заросли тамариска и фригану напоминали путешествен-никам Италию. Лёгкий бриз окончательно разве-ял все сомнения беглянки. В крепости Дербент французы остановились на постой. После пыш-ного приёма в Дагестане знаменитого писателя короновали императором литературы. Ульяна чувствовала себя императрицей.

Пролетели как сон медовые недели счастья. Ночью червлёнские казаки окружили дом, где квартиро-вали французы, и приготовились к штурму.

— Тихо, Гриня, не пыли! Не надо шума!—строго прошипел Иван Иванович на ухо командиру охра-ны, вышедшему до ветра.— Не будем зря казацкую кровушку проливать. Как же ты допустил, шо со мной так поступили?

Казаки заскочили во двор. Засверкали сабли. Заклацали железом курки и магазины пистолетов и ружей. Воздух, как перед грозой, наполнился напряжением и тревогой. Ещё мгновение—и под «колокольный» звон булатных клинков полетят казацкие головушки за чужой грех.

— Так у них всё по-доброму, полюбовно,—отор-пел хорунжий, поправив Георгиевский крест на своей широкой груди.

— Пусти, заберу девку с миром,—сказал Иван и отстранил казака от калитки.— Не бойся, между-народного скандалу не будет! Я ж не дуб грузин-ский—с мушкетёрами воевать.

Если раньше для горцев считалось преступ-лением убить поэта или писателя, то для казаков тем более.

— Пустите его!—приказал казакам команди-р охраны.

Иван Иванович тихо зашёл в спальню. От увиденной картины он заскрипел зубами. Оше-ломлённый отец схватил хлыст и отстегал влюб-лённую парочку. Дюма вскочил и, наткнувшись на холодное дуло пистолета, сел на край топчана. — Как же ты могла так опозорить отца и нашу семью?!—кричал на дочь старый воин.— Как же я упустил из узды твои помыслы? Вспомни судьбу твоей сестры Авдотки, после того стихотворения, которое ей написал сотник Михайло Лермонтов. А он—духовный брат и сват твоего француза. Собирайся немедленно до хаты. Казак скорей умрёт, чем с родной земли уйдёт! Он же старше меня... Совсем сдурела? Или тебя заморозил его колдун швед Юм?

— Стар дуб, да корень свеж. Вольная казачка я, бацька, а не казак! Не хочу домой!—умоляла, об-ливалась слезами девушка.— Лучше в петлю, чем такая жизнь. Живём как на фронте: каждый день стреляют. Работаем как каторжные: с рассвета

до заката. Страшно становится, что так вся жизнь пройдёт. У меня всего одна жизнь, и я хочу счастья! — От умеет он тёткам головы дурить да мужикам ветвистые рога ставить. Сбил девицу с панталыку! Мало ли чего ты хочешь? Казаки от казаков ведутся. Воля отца—закон для семьи!—взревел Иван.—Знала бы, что тебя там ждёт с иноверцами, впереди моего коня бежала бы в родную станицу. С чужого коня среди грязи долой.

В комнату заскочил переводчик и начал спрашивать казака успокоиться:

— Дядя Ваня, убери оружие, а то недалеко до греха! Не выдержишь каторги, не молодой уже!

— Не пугай, «племянничек», пуганые! Не гони коней, студент, уж приехали!— кричал казак, брызгая слюной.— Переведи моему кобзарю французскому, что если хочет остаться в живых, пусть даст честное слово, что не будет писать про мою дочь. У меня папаха черна, зато душа светла. Ни рукобития, ни тем более буйства не будет, хотя и опорочил её этот «воловий хвост» перед станичниками на всю оставшуюся жизнь.

Дюма дал слово, что не заденет даже строчкой чести девицы, и попросил проститься с Ульяной. Девушка бросилась на шею Александру Александровичу, целуя его и умоляя не отдавать отцу. Обезумевший от происхождения Иван Иванович взвёл курок, вытянув вперёд крепкую руку с pistolетом.

— Лучше пусть убьёт меня,—просила она,—только не отпускай меня! Не бойся его! Не будет мне теперь никакой жизни... Живьём съедят... Казачий аркан—не таракан, зубов нет, а шею ест.

Дюма осторожно поцеловал девушку в лоб и медленно отстранил от себя. С трудом сорвал со своей руки тяжёлый перстень с вензелем российского императора и вложил его в правую ладонь Ульяны, сжав её нежные пальчики, трепетно поцеловал их. Александр с болью на сердце воскликнул: — О Мария-Луиза!—вспомнил он мать.—Никогда не бывает проявлением трусости подчинение силе, стоящей над вами. Редко случается, чтобы то, чего пламенно желаешь, столь же пламенно не оберегали другие люди. У меня никогда не было такой сказочной принцессы! Ты для меня лучше и дороже всех женщин на свете! Пройдёт время, про тебя напишут другие писатели, и тобой будет гордиться весь мир.

По возвращении в родную вотчину Ульяна ловко соскочила с вороного коня и гордо посмотрела на казачек. Она была одета как графиня, только что вернувшаяся из Парижа, что делало её ещё прекрасней.

— Подивись, бабы, Даданиха-то наша—что французенка! Гляньте, как нос задрала!—шептались от зависти ядовитые червлёнки необъятных форм, лужая семечки и соря от них лужайками.— Ведёт

себя как королева! Тьфу на тебя! И кто ж оно теперь?

Теперь молодёжь, проходя мимо дома, где то-сковала Ульяна, с издёвкой затыгивали свадебную песню:

Пьяница-пропойца
Ульянин батюшка.
Пьяница-пропойца
Ульянина матушка.
Ой, пропили доченьку
За мёд да за горилку...

Пьяный в дымину казачара Петро, который раньше любил Ульяну и хотел посвататься, ночью с молодыми парубками измазал её забор и ворота дётем. Девушка перестала общаться с односельчанами. Жизнь превратилась в ад. Когда стало ясно, что будет ребёнок, её отправили к родственникам в крепость Ведено. Но и там ей не дали спокойно жить. Все домочадцы не скрывали своего презрения к ней.

Не выдержав такой жизни, она убежала дальше в горы и нашла убежище в чеченском ауле возле древнего храма горцев. Скалистые пики гор, сверкающие синевой ледники, мрачные глубокие ущелья стали ей родней и ближе, чем зелёные поля и сады родной станицы. Когда родилась кучерявая девочка, как две капли похожая на Дюма, её назвали Александрой в честь знаменитого отца.

Эпилог

Ульяна приняла мусульманство и вышла замуж за старого чеченца, от которого родила ещё девяти-терых детей. А дочь Дюма, которую местные жители звали Саной, росла как родная среди горцев, чувствуя себя счастливой возле сводных сестёр и братьев. На краю горной тундры, где царствуют лишь снег, лёд и камни, возле шумящей водопадами и перекатами речки Хулхулуа, в облаках и лучах солнца, Сана быстро выросла и стала красивой, как мать. Выйдя замуж за местного джигита, родила трёх сыновей.

Дочь и внуки, с гордостью и благодарностью за то, что во многом благодаря Александру Дюма появились на свет Божий, часто перечитывали романы своего отца и деда. «Вот и в России появились три мушкетёра!»—не раз шутила Сана, обнимая своих сыновей.

За участие в восстании под руководством Алибека-хаджи мужа Александры со всей семьёй выслали в Тамбовскую область. Двое внуков Александра Дюма погибли в боях с повстанцами Антонова. Третий, кавказский внук Дмитрий, приезжал на родину накануне Второй мировой войны, где многим показывал перстень своего деда. Знал бы Иван Иванович Даданицкий, с каким уважением будут относиться к детям и внукам Александра Дюма-отца, не был бы так суров к своей дочери.

Были бы станичники истинно православными христианами, могли бы прощать и любить друг друга по-настоящему—может быть, и сложилась бы судьба Ульяны по-другому.

Прошло сто пятьдесят два года российских лихолетий. Теперь жители станицы Червлённая

с гордостью рассказывают про то, что к ним приезжали в разное время Александр Грибоедов, Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Лев Толстой и Александр Дюма, который полюбил их местную красавицу, подарив ей дочь и перстень с алмазом и вензелем императора всея Руси.